

М. Коялович – сотрудник журнала «Гражданин» (1872 г.).

В известных воспоминаниях В. Мещерского о создании в 1872 г. еженедельного журнала «Гражданин» в числе «восприемников» и наиболее ценных сотрудников издания назван белорусский и русский историк и публицист Михаил Осипович Коялович (1828–1891) [см. 6, с. 164]. Участие в «Гражданине» видного ученого, профессора Петербургской духовной академии началось с первого же номера еженедельника – 3 января 1872 г. Оно было существенно важно для молодого издания. В 34 номерах журнала за 1872 г. появилось 12 публикаций М. Кояловича общим объемом около 40 страниц формата 4° (несколько больше современного формата А4). Перу М. Кояловича принадлежит большинство статей исторической тематики в «Гражданине» периода редакторства Г. Градовского. В январе – апреле 1872 г. в журнальной рубрике «Исторические письма» была напечатана объемная работа ученого «Дотатарская Русь». Начиная с февраля 1872 г. «Гражданин» помещает ряд статей М. Кояловича по истории русско-польских отношений: «О разделах Польши», «По поводу столетия со времени первого раздела Польши», «Старокатоличество в польском мире», «Усмирение гайдамацкой украинской смуты Петром Никитичем Кречетниковым и гетманом Браницким». В отличие от строго научного исследования по дотатарской Руси, названные работы о Польше подчеркнута публицистичны, имеют выход на острые проблемы польского и русского общества 2-й половины XIX в. К этим материалам примыкает публикация Кояловича «Новая политика польской эмиграции» (1872, № 23) – отзыв на брошюру бывшего повстанца кс. К. Микошевского (в 1863 г. – член варшавского *Rządu Narodowego*, редактор подпольной газеты «*Głos karłana polskiego*»). С вопросом о русско-польских отношениях тесным образом была связана проблема Западной Руси (Украина, Белоруссия). В первый год выхода «Гражданина» ее разрабатывали в журнале, помимо М. Кояловича, Г. Градовский, А. Завадский-Краснопольский и другие авторы.

Смягчение векового антагонизма крупнейших славянских этносов – русского и польского – считалось рядом современников М. Кояловича одной из насущных задач российского общества. Русско-польский конфликт возник еще в XIV–XVI вв. из-за стремлений Польши подчинить восточнославянские земли, ассимилировать их население в этническом и духовно-религиозном отношениях, отмечает М. Коялович. Польская экспансия натолкнулась на сопротивление православного большинства украинцев и белорусов и в начале XVII в. была отбита Московским государством. Автор приводит мнение ряда историков, по которому

восточных славян «отталкивали от Польши и тянули на восток, к России», лишь «бедствия, страдания, преследования» и «если бы поляки лучше обходились с народом, то он сделался бы не только католическим, но и польским» [3, с. 321]. Несостоятельность такого суждения ученый показал на многочисленных фактах из украинской и белорусской истории, преимущественно церковной. Знаток греко-католической церкви, М. Коялович описывает крах попытки польско-литовских властей распространить на западе Руси католическое вероучение в ущерб православному, пожертвовав при этом внешней, обрядовой стороной католического культа. В самом униатстве возник непримиримый раскол между верным Ватикану базилианским орденом и белым (приходским) духовенством, склонным к воссоединению с православием. Повествуя о гайдамацком восстании на Украине в 1768 г., М. Коялович обращал внимание на массовый переход священников-униатов в православие «во время смуты или вскоре после усмирения ее». Несмотря на гонения властей Речи Посполитой, священники оставались верны сделанному выбору и в дальнейшем, «а двое из них даже пожертвовали своею жизнью за ревность к православию» [5, с. 533]. Это показывает вынужденный характер их прежнего униатства. Вслед за священниками целыми приходами возвращались в православие миряне, и «униатский дух действительно исчезал в Украине» [5, с. 535]. Подобное происходило и в Белоруссии уже после ее вхождения в состав России. Православного епископа «Георгия Конисского окружали всюду толпы умоляющих присоединить их к православию; за ним они бегали даже вне могилевской епархии, когда он, например, бывал в Смоленске» [4, с. 11]. М. Коялович подробно цитирует два ходатайства (1773 и 1775 гг.) Г. Конисского синоду Русской православной церкви о разрешении массового добровольного перехода белорусских униатов в православие [см. 4, с. 11–12]. Эти просьбы были удовлетворены петербургскими духовными и светскими властями лишь 2 июля 1780 г. Итак, успехи греко-католицизма на востоке Речи Посполитой во многом были мнимыми; описывающая их сухая статистика (перед разделами Польши униаты составляли 75 % населения Белоруссии) не выражает настоящих религиозных предпочтений белорусов и украинцев. Почти во всех восточнославянских регионах Речи Посполитой существовали стойкие пророссийские симпатии населения. «По физическому своему положению дизуниты (православные – *А. О.*) принадлежат Польше, но по мыслям, желаниям они принадлежат Москве», – отмечалось на заседании варшавского сейма в 1790 г. [3, с. 321]. В 1760–1770-е гг. православные священники Белоруссии и Украины обращались к Екатерине II с просьбами о присоединении этих регионов к России [см. 4, с. 9–10]. Всё это делает неуместными упреки поляков русскому государству в отторжении в 1772–1795 гг. их восточнославянских земель.

Вместе с тем Россия несет свою часть ответственности за передачу коренной, этнической Польши немецким государствам. М. Коялович понимает необходимость искать выход

из тупика взаимной вражды русских и поляков. Сложная задача примирения этих двух народов, очевидно, превышала силы и русской, и польской общественности XIX в. Некоторые мысли М. Кояловича в этом направлении представляются, однако, плодотворными для своего времени. В качестве необходимой уступки полякам публицист предлагал распространить на Привислинский край органы земского самоуправления [см. 2, с. 171]. Большие надежды М. Коялович связывал с осуществленной в крае в 1864 г. милютинской аграрной реформой. Свои шаги навстречу русским, а также жителям Галиции, Холмского края должна сделать и Польша [см. 2, с. 171; 3, с. 322]. Но главное для польского народа – преодолеть свое культурное и нравственное отчуждение от остальных частей славянского мира. Чувство «славянской взаимности», действительно, было мало характерно представителям польской общественности XIX в. Однако оно начинало проявляться и в их среде. В статье «Новая политика польской эмиграции» М. Коялович приветствует пробуждение этого чувства у некоторых вчерашних противников России – участников восстания 1863 г. Обратной стороной ожесточенной борьбы Польши с западной и восточной Русью стало пренебрежение к судьбе своих исконных областей, еще до разделов государства попавших под немецкое влияние. «Если этнографическая Польша погибнет, то никак не от русских, а от немцев», – предупреждал Коялович [2, с. 171]. Именно об этом 2 года спустя писал в «Гражданине» А.-Г. Киркор: «Взгляните на старое Гнезно, на Торн, Королевец – всё это уже чисто немецкие города; той же участи скоро подвергнется Познань, так же как Вроцлав, окончательно поглощенный немецким элементом, где уже почти и не слышно славянской речи» [1, с. 1243]. Вывод обоих белорусских авторов «Гражданина» таков: объединив усилия, поляки и русские могли бы противостоять поглощению Польши немецким этносом и оказать полезные услуги другим славянским народам.

---

1. И. С. [Киркор, А.-Г.] Из славянских земель (Корреспонденция «Гражданина») / И. С. [Киркор, А.-Г.] // Гражданин. – 1874. – № 49. – С. 1242–1245.

2. Коялович, М. Новая политика польской эмиграции / М. Коялович // Гражданин. – 1872. – № 23. – С. 169–172.

3. Коялович, М. О разделах Польши / М. Коялович // Гражданин. – 1872. – № 9. – С. 318–322.

4. Коялович, М. По поводу столетия со времени первого раздела Польши / М. Коялович // Гражданин. – 1872. – № 18. – С. 9–13.

5. Коялович, М. Усмирение гайдамацкой украинской смуты Петром Никитичем Кречетниковым и гетманом Браницким / М. Коялович // Гражданин. – 1872. – № 33. – С. 529–535.

6. Мещерский, В. Мои воспоминания / М. Коялович. – СПб., 1898. – ч. II. – 514 с.